

Лия Вадимовна
Григорьева

Призрачный рейс SQ 420

Добро пожаловать. Хорошего полета!

Лия Вадимовна Григорьева

Призрачный рейс SQ 420. Добро пожаловать. Хорошего полета!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73436738
ISBN 9785006938847

Аннотация

Рейс SQ420 из Москвы в Сингапур сел идеально, но встретил наземные службы тишиной: тёплые одеяла на сиденьях, недопитые напитки, брошенные телефоны. 327 пассажиров и экипаж исчезли, оставив лишь загадочный символ – круг с трещиной – и эхо зловещего гула.Следователь МАК Анна Ковалёва, терзаемая потерей дочери в авиакатастрофе, ныряет в расследование. Допросы техников, расшифровка чёрных ящиков, смс с борта после посадки ведут к секте «Трещина V7» и частоте 7.83 Гц.

Содержание

Глава 1. Прибытие 6
Глава 2. Первый осмотр 16
Глава 3. Допросы наземных. Семьи пропавших 26
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Призрачный рейс SQ 420 Добро пожаловать. Хорошего полета!

Лия Вадимовна Григорьева

© Лия Вадимовна Григорьева, 2026

ISBN 978-5-0069-3884-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация: Рейс SQ420 из Москвы в Сингапур сел идеально, но встретил наземные службы тишиной: тёплые одеяла на сиденьях, недопитые напитки, брошенные телефоны. 327 пассажиров и экипаж исчезли, оставив лишь загадочный символ – круг с трещиной – и эхо зловещего гула.

Захватывающий триллер

Следователь МАК Анна Ковалёва, терзаемая потерей дочери в авиакатастрофе, ныряет в расследование. Допросы техников, расшифровка чёрных ящиков, смс с борта после посадки ведут к секте «Трещина V7» и частоте 7.83 Гц – резонансу Земли, открывающему порталы. Мерцание радара, мутированная ДНК, шепоты из вентиляции – реальность трескается, а гул зовёт Анну в бездну.

Для фанатов

Детективный хоррор в духе Стивена Кинга («Лангольеры») и Дина Кунца: напряжение нарастает от улик к паранойе, с твистами о параллельных мирах и цене правды. Идеально для любителей мистики в небе – от посадки-призрака до финала, где трещина смотрит в ответ.

Глава 1. Прибытие

20:40 по московскому времени рейс SQ420 Singapore Airlines из Москвы в Сингапур начал снижение. Полёт из московского Шереметьево длился 11 часов 55 минут – стандартный маршрут над Уральскими горами, Сибирью, Казахстаном, Китаем и наконец акваторией в сторону острова. Одиннадцать часов пятьдесят пять минут он рассекал небо – от московского Шереметьево, чьи огни давно утонули в прошлом, через уральские хребты, сибирские просторы, степи Казахстана и дымку Китая, пока не вынырнул из облаков, манящий блеск Changi. Капитан Сингх, чьи руки помнили восемнадцать тысяч часов налёта, как старые перчатки, ровным голосом доложил диспетчеру: «SQ420 на глиссаде. Всё шло по протоколу: шасси выпущены, скорость стабильно 240 узлов, диспетчер Changi слышит уверенный голос капитана: „Готовы к касанию“. Скорость двести сорок узлов, высота три тысячи. Шасси выпускаем».

В салоне бизнес-класса пассажиры шевелились в полудрёме: стюардессы с подносами горячего кофе и апельсинового сока скользили меж кресел, экраны бортовой системы мигали картой с надписью «Прибытие через пять минут». В эконом-классе затих детский плач, бизнесмены допивали виски с лёгким звяканьем льда, молодая пара в ряду 22 делила наушники, их пальцы сплетены под одеялом. И вдруг – гул.

Не рёв двигателей, а нечто иное: низкий, вибрирующий стон, проникающий в виски, как далёкий паровоз в ночи. Несколько голов склонились, руки потёрли затылки, но стюардесса улыбнулась, её голос – шёлк над пропастью: «Лёгкая турбулентность, скоро дома».

На тысяче метров автопилот мягко подкорректировал курс – полоса легла в прицел, флапероны раскрылись крыльями бабочки, скорость спала до ста сорока узлов. В кабине пилоты перекинулись репликами, сухими, как бортовой журнал: «Всё чисто. Топливо на исходе, парашют в готовности». Радары молчали, трафик отсутствовал, словно небо проглотило весь мир. Касание вышло идеальным – лёгкий шлепок шин, вспышка дыма, реверс двигателей взревел, как раненый зверь, и самолёт прокатил четыре с половиной километра, сворачивая к гейту D47. Люк распахнулся по таймеру, воздух ворвался свежий, солёный. Идеальная посадка – полоса подсвечена огнями, дождь только что закончился, оставив лужи, отражающие неоновые блики. Капитан Рахул Сингх, чья жизнь была сплетена из стального неба и рёва турбин, выключил системы одним уверенным движением – привычка, отточенная восемнадцатью тысячами часов налёта, как ритуал старого воина, откладывающего меч. Ему было пятьдесят два: сын индийских эмигрантов из Пенанга, он вырос в тени малайзийских пальм, где отец-таксист мечтал о небе для сына, а мать шептала молитвы Вишну перед каждым взлётом модельного самолётика. Мо-

лодость Рахула – это академия в Сингапуре, где он зубрил аэродинамику до рассвета, первые рейсы на Fokker'ах над Андаманским морем, развод с женой, уставшей от вдовства наяву, и дочь Ария, которой теперь шестнадцать, но которую он видит реже, чем облака. SQ420 стал для него рутиной – Москва-Сингапур, двенадцать рейсов в месяц, где он всегда шутил с экипажем о «карри в Шереметьево», но в глубине души ждал того единственного полёта, что сломает шаблон. Этот рейс казался таким же: лёгкая задержка в Москве из-за тумана, пассажиры – смесь бизнесменов, туристов и семей, гул турбулентности над Китаем, который он списал на атмосферный фронт.

Он откинулся в кресле, ожидая привычных аплодисментов салона – той редкой награды за идеальную посадку, что всегда грела душу, как малайзийское солнце. Их не последовало. Только тишина – густая, как туман над Южно-Китайским морем, обволакивающая кабину, словно невидимый саван. Рахул моргнул, пальцы замерли на рычагах; его слова, доложившие диспетчеру «SQ420 на позиции, всё в норме», растворились в эфире, как предвестие тишины, эхом отдаваясь в пустоте. Сердце кольнуло – не страх, а инстинкт пилота, чуявший сбой в матрице. Он поднялся, поправил фуражку, шагнул в проход, и мир качнулся.

Ряды кресел укутаны одеялами – ещё тёплыми, с отпечатками тел, будто пассажиры растворились в воздухе за миг

до его взгляда. Столики хранили недопитые стаканы: кофе с нетронутой пенкой, сок с плавающей мякотью, журнал авиамагазина с загнутой страницей на статье о «параллельных потоках». Телефоны мигали в карманах кресел, одно сообщение стюардессы Лины ушло в 20:41 – «Что-то не так. Гул в голове, как зов». Рахул потёр виски: тот же гул, низкий и вибрирующий, что накрыл салон за минуты до посадки, он ощутил снова, проникающим в кости, как шепот из-под земли. Салон казался полным – смятые подушки, брошенные наушники, детский рюкзачок с откусанным сэндвичем в проходе – но пустым, как декорация забытого сна. Дочь Ария мелькнула в мыслях: вчерашний звонок, «Папа, ты опять в небе?», и его обещание «Завтра увидимся». Рука дрогнула на микрофоне, вызывая наземные службы, но голос вышел твёрдым, лживым: «SQ420 на гейте. Готовы к высадке». Внутри же росло предчувствие: небо только что забрало больше, чем пассажиров.

Рахул сжал микрофон, повторяя вызов наземным службам, но в голове крутился голос Арии – вчерашний звонок из её комнаты в Пенанге, где она, шестнадцатилетняя копия матери с те же карими глазами и упрямым подбородком, жаловалась на школу и мечтала о лете в Сингапуре. «Папа, ты опять в небе пропадаешь? Привези мне тот браслетик с Марины Бэй популярной ТВ актрисой, с трещинкой, как в твоих историях про шторма». Он обещал, даже сфоткал витрину в Шереметьево во время пересадки, но теперь её слова

эхом отзывались в гуле, что не уходил из висков. Ария ждала его завтра – или сегодня? – с матерью, в той квартире у моря, где он бывал гостем, а не отцом. Предчувствие кольнуло острее: а если этот гул – зов не только пассажиров, но и его собственной крови?

***

Утро в Чанги разгоралось неумолимо: 14:50 местного времени, солнце уже жгло стеклянные купола аэропорта, превращая его в гигантский ульи с гудением толпы. Гейт D47, обычно бурлящий суетой, затих в ожидании: автобусы для пассажиров выстроились в ряд, сирены грузовиков уборщиков мигали желтым, трапы с лебёдками ждали сигнала. Ахмед, бригадир наземной смены, индиец с сединой в бороде и двадцатилетним стажем, поправил жилет и скомандовал по рации: «Команда на подходе, люк открыт, автобусы готовы. SQ420, сколько душ?». Его люди – пятеро в оранжевых жилетах – толпились у трапа с тележками для багажа, шутя о «задержке из-за московского снега». В диспетчерской башне Чанги оператор Линь, молодая сингапурка с кофе в руке, хмурилась на экран: радар чист, посадка идеальна, но экипаж молчит. «Странно, – пробормотала она, – обычно аплодисменты слышны даже сюда».

Ахмед Насир, сорок семь лет, бригадир наземной смены Чанги с двадцатипятилетним стажем, взбежал по трапу первым – его потрёпанный оранжевый жилет трепетал на горячем ветру, а фонарь в мозолистой руке отбрасывал длинные,

дрожащие тени в зияющий люк Boeing 777. Родом из Карачи, он приехал в Сингапур тридцать лет назад за «лучшей жизнью», таская сначала багаж за гроши, а потом поднимаясь по карьерной лестнице на поту и упорстве: трое детей в государственной школе, жена Фатима, швея в Марина Бэй, и мечта о доме с видом на море, которую откладывал каждый бонус. SQ420 был для него рутиной – московские рейсы всегда привозили усталых бизнесменов с duty-free, и Ахмед любил подшучивать над экипажем: «Капитан, сегодня карри или борщ?». Но сегодня, в 14:50, солнце жгло спину, а в голове крутилась ссора с Фатимой утром —

– Опять ночная смена, дети тебя не помнят! – и он спешил закончить, чтобы к вечеру принести свежие манго с рынка.

– Эй, пассажиры! Высадка на Сингапур! Автобусы ждут! – гаркнул он в салон, ожидая привычного хаоса: топота ног, детского визга, багажных тележек, жалоб на кондиционер. Тишина ответила густым одеялом – тяжёлым, как саван. Ахмед шагнул внутрь, и воздух ударил в лицо: густой запах кофе, тропической влажности, смешанной с искусственным холодом кондиционеров, да сладковатый шлейф парфюма из бизнес-класса. Сердце ухнуло, как в яму: кресла укутаны одеялами, ещё хранящими тепло тел – термальные следы, будто люди встали минуту назад. Столики хранили недопитые стаканы: апельсиновый сок с плавающей мякотью, виски со звенящим льдом, журнал авиамагазина с загнутой страницей на статье «Тайны радаров». Детский рюкзачок валял-

ся в проходе, молния расстёгнута, сэндвич внутри откусан наполовину – следы зубов свежие, как утренний завтрак. Телефоны мигали в карманах кресел уведомлениями, одно смс стюардессы Лины ушло в 20:41: «Гул… зовёт. Что-то не так». Ахмед замер, рация выпала из онемевших пальцев, ударившись о пол с глухим стуком: «Босс, это… пусто. Как будто все испарились».

Он повернулся к кабине, где только что мелькнула фуражка капитана Сингха – тот вышел на миг, бледный, с рукой на виске.

– Капитан! Что за чёрт? – Ахмед шагнул вперёд, голос сорвался в хрип. Сингх обернулся, глаза его расширились, губы шевельнулись: – Ахмед, ты слышишь? Этот гул… он…, – но слова утонули в низком вибрирующем тоне, что накрыл салон, как волна.

Ахмед протянул руку, чтобы схватить капитана за плечо, спросить о пассажирах, о гуле, о детях, ждущих дома, – но в следующий миг Сингх моргнул, и его фигура… дрогнула. Как мираж в тропической духоте, как кадр, пропущенный проектором. Ахмед протёр глаза, шагнул ближе – кабина пуста, фуражка лежит на кресле пилота, микрофон раскачивается, эфир молчит. Только гул в голове, эхом отдающийся словами Сингха: «Он зовёт». Ахмед осел на пол, рация ожила криком босса: «Насир, докладывай!», но голос его утонул в панике: капитан исчез, пассажиры испарились, а утро Сингапура вдруг стало преддверием ада.

Ахмед, ослеплённый паникой, вцепился в рацию, пальцы скользили по кнопке, голос его дрожал, как лист на ветру:

– Босс, Рашид! Самолёт на земле, SQ420 цел, но… пассажиров нет. Ни одного. Это чёртова шутка? Или я схожу с ума? – слова вырвались хрипом, эхом отразившись от пустых рядов кресел, где одеяла ещё хранили тепло невидимых тел.

В ответ – треск помех и взрывной рёв Рашида, начальника смены:

– Насир, не неси чушь! Я бегу, держи гейт! – Но Ахмед уже не слышал – гул в голове пульсировал, как второе сердце, а под ногами, в проходе, детский рюкзачок шевельнулся от сквозняка, словно внутри кто-то дышал.

Через пять минут гейт D47 превратился в осаждённый форпост: оранжевые конусы оцепления выросли стеной, полицейские Сингапура в чёрной форме, с автоматами наготове, растолкали уборщиков и водителей автобусов, их лица – маски профессионального шока под тропическим солнцем. Камеры видеонаблюдения, холодные глаза Changi, перематывались в ускоренном режиме: вот Boeing катит по полосе, идеальное касание, трап у люка; вот пустой проход, тени от фонарей Ахмеда – ни шагов, ни багажа, ни жизни. Диспетчер Линь в башне, с кофе, застывшим в руке, крутила записи радара: один сигнал, чистый, как слеза, без эха, без дубликатов – самолёт был один, но принёс пустоту. «Это не сбой, – прошептала она, – это… разрыв».

В салоне, под вспышками первых фото с телефонов полицейских, нашли бортовой журнал – потрёпанную тетрадь на пульте второго пилота. Последняя запись Сингха, аккуратный почерк: «20:40. Всё чисто, курс верный, глиссада стабильна. Посадка через минуту». Но под ней – пустота: один листок вырван с треском, зубчатый край белел, как свежая рана, а на обложке, едва заметно, проступил тот же символ – круг с трещиной, нацарапанный чьим-то ногтем. Паника нарастала волной: авиакомпания Singapore Airlines в штабе корчилась в ужасе, роботы полетели семьям в Москве – «Рейс SQ420 прибыл по расписанию. Ждите обновлений о высадке», – пока жёны кусали губы, а матери в Шереметьево набирали номера, глухие к ответу. Соцсети вспыхнули пожаром: «Призрачный рейс Чанги», «Пассажиры испарились над Сингапуром», – фото тёплых одеял, недопитых стаканов и пустых кресел разлетались вирусно, под хэштегами GhostFlight420 и СингапурскийАд, лайки множились, как тени в салоне, а мир затаил дыхание перед пропастью.

В эфир сингапурского Channel NewsAsia ворвался экстренный выпуск в 15:30 местного времени – ведущая Мэй Лин, обычно спокойная, как стекло небоскрёбов Марины Бэй, сжимала микрофон бледными пальцами: «Шок в Чанги: рейс SQ420 из Москвы сел пустым. 327 пассажиров и экипаж исчезли бесследно. Одеяла ещё тёплые, кофе дымится, но людей нет. Полиция оцепила гейт D47, радары чисты». Экран разрезали кадры: дрожащий Ахмед у трапа, пустой

салон под вспышками, бортовой журнал крупным планом с вырванным листом. Эксперт из CAA Сингапура, задыхаясь, выдал: «Это физически невозможно. Ни эха на радаре, ни сигналов бедствия. Как будто… время остановилось». Студия гудела от звонков: семьи из Пенанга, Москва, Сеул в истерике, хэштег SQ420Empty взлетел в топ Твиттера, а Мэй Лин закончила репортаж дрожью в голосе: «Сингапур смотрит в бездну. Что забрало рейс 420?».

Глава 2. Первый осмотр

Прошло двенадцать долгих часов с того тропического утра, когда Чанги поглотила пустота рейса SQ420, – двенадцать часов, в течение которых мир сошёл с ума: заголовки CNN на английском, BBC на мандарине, Первый канал в Москве с репортажем «Рейс-призрак: 327 душ растворились в воздухе», где дрожащий корреспондент тыкал в экран с фото одеял, а соцсети корчились в конспирологии – от «секретного оружия Китая» до «портала в параллельный Сингапур». Авиакомпания выпустила заявление, дрожащее от бюрократического ужаса: «Расследование ведётся, пассажиры в безопасности», – но семьи в Шереметьево уже жгли свечи у импровизированного мемориала, а в Пенанге Ария Сингх, сжимая телефон с последним смс отца («Скоро дома, браслетик твой»), шептала молитвы Вишну сквозь слёзы. Полиция Сингапура оцепила гейт D47 стальной цепью, эксперты в белых комбинезонах ползают по салону, как муравьи по мёртвой тушке, а гул в воздухе – или в головах? – то затихает, то вспыхивает, заставляя рабочих протирать виски.

И вот, в 02:50 местного времени, из стеклянных дверей бизнес-зала Чанги выходит Анна Ковалёва, старший следователь МАК – женщина сорока двух лет, чья жизнь после катастрофы Ту-154 четыре года назад превратилась в тень пепла. Шрам над левой бровью, тонкий, как паутина, – суве-

нир от той ночи над Чёрным морем, когда волна сбила вертолёт спасателей, и Анна чудом выкарабкалась с переломами, но потеряла дочь Машу, десятилетнюю, чей смех до сих пор эхом отдается в снах. С тех пор Москва для неё – не дом, а база: крохотная квартира в Хамовниках с пачками отчётов вместо мебели, кофе вместо сна, и каждый новый рейс – как вызов судьбе, шанс понять, почему небо крадёт детей. В бизнес-классе из Шереметьево она трижды прокручивала репортаж Первого: «Сюжет как из фантастики, тёплые одеяла, недопитый кофе – будто все встали и ушли в никуда», – и её пальцы стискивали подлокотник, а в голове всплывали обгорелые кресла Ту-154, где Маша оставила плюшевого мишку.

С ней планшет, набитый первыми данными: термосканы сидений – +37° С в 327 точках, ДНК на подлокотниках свежая, как утренняя роса, смс с борта после посадки, символ на браслете из 14А. На трапе её встречает представитель Singapore Airlines, мистер Тан, бледный, как полотно, с потом на лбу несмотря на ночь: «Мэм, это невозможно. Радар чистый, камеры пусты, экипаж… пропал». Анна молчит, её серые глаза – сталь под усталыми веками – скользят по нему, как сканер; надевает нитриловые перчатки с тихим щелчком и шагает в салон. Запах кофе висит тяжёлым шлейфом, кондиционеры тикают, как бомба с обратным отсчётом. Она касается одеяла в первом ряду – горячее, как кожа, с вмятиной от плеча. Пальцы ныряют в карман кресла 14А: браслет, се-

ребряный, с гравировкой – круг с трещиной, пульсирующей в свете фонаря. «Начнём с начала», – бормочет она одними губами, включая диктофон. Первая запись рвётся в тишину: «Чанги, 02:50. Пассажиров нет. Но они были здесь секунду назад. Гул… я его слышу». В этот миг, под низкий стон вентиляции, шрам над бровью кольнуло – как зов из прошлого.

***

Анна Ковалёва не всегда была тенью в белом комбинезоне – её путь в МАК, Межгосударственный авиационный комитет, начался в лихие девяностые, когда она, дочь подмосковного пилота МиГов, ворвалась в авиационную академию в Лётном, с горящими глазами и мечтой о небе. Выпускница 2005-го, она стартовала младшим следователем в Росавиации, расследуя мелкие инциденты – от птичьих ударов до отказов топливных насосов, – но настоящий закал прошёл в 2010-м, когда Ту-154 над Чёрным морем рухнул в огненный вихрь, унёсши её мужа, инструктора, и дочь Машу, десятилетнюю, чей мишка до сих пор лежит в ящике стола в Хамовниках. Анна выкарабкалась из той катастрофы с переломами и шрамом над бровью – тонким, как трещина в стекле кабины, – но сломалась внутри: три месяца в клинике, бутылка за бутылкой, пока не вернулась в дело, с зубами стиснутыми, как гидравлические тиски.

За пятнадцать лет в МАК она стала легендой: сорок семь раскрытых катастроф, от крушения Ан-148 в Раменском до таинственного исчезновения Sukhoi над Каспием, где до-

казала саботаж топливной системы. Её репутация – сталь и интуиция: «Ковалёва чует чёрные ящики за версту», шептались в коридорах на Лубянке, хотя формально она не полиция, а эксперт ООН по авиационным инцидентам, с допуском к classified-архивам ФСБ и NTSB. Трижды награждена орденом «За заслуги», дважды чуть не уволена за «излишнюю самостоятельность» – как в деле MH17, где копнула глубже, чем велели, выявив перехват. SQ420 стал её сорок восьмым: вызов из Шереметьево в 20:00, когда Первый канал показал «призрачный рейс», и Анна, не раздумывая, схватила планшет, зная – это не турбулентность, а разрыв в ткани реальности, эхо её собственной потери.

Прошло двенадцать долгих часов с того тропического утра, когда Чанги поглотила пустота рейса SQ420, – двенадцать часов, в течение которых мир сошёл с ума: заголовки CNN на английском, BBC на мандарине, Первый канал в Москве с репортажем «Рейс-призрак: 327 душ растворились в воздухе», где дрожащий корреспондент тыкал в экран с фото одеял, а соцсети корчились в конспирологии – от «секретного оружия Китая» до «портала в параллельный Сингапур». Авиакомпания выпустила заявление, дрожащее от бюрократического ужаса: «Расследование ведётся, пассажиры в безопасности», – но семьи в Шереметьево уже жгли свечи у импровизированного мемориала, а в Пенанге Ария Сингх, сжимая телефон с последним смс отца («Скоро дома, браслетик твой»), шептала молитвы Вишну сквозь слёзы.

Полиция Сингапура оцепила гейт D47 стальной цепью, эксперты в белых комбинезонах ползают по салону, как муравьи по мёртвой тушке, а гул в воздухе – или в головах? – то затихает, то вспыхивает, заставляя рабочих протирать виски.

И вот, в 02:50 местного времени, из стеклянных дверей бизнес-зала Чанги выходит Анна Ковалёва – женщина, чья жизнь после той ночи над морем стала цепью отчётов и призраков. С ней планшет, набитый первыми данными: термосканы сидений – +37° С в 327 точках, ДНК на подлокотниках свежая, как утренняя роса, смс с борта после посадки, символ на браслете из 14A. На трапе её встречает представитель Singapore Airlines, мистер Тан, бледный, как полотно, с потом на лбу несмотря на ночь: «Мэм, это невозможно. Радар чистый, камеры пусты, экипаж… пропал». Анна молчит, её серые глаза – сталь под усталыми веками – скользят по нему, как сканер; надевает нитриловые перчатки с тихим щелчком и шагает в салон. Запах кофе висит тяжёлым шлейфом, кондиционеры тикают, как бомба с обратным отсчётом. Она касается одеяла в первом ряду – горячее, как кожа, с вмятиной от плеча. Пальцы ныряют в карман кресла 14A: браслет, серебряный, с гравировкой – круг с трещиной, пульсирующей в свете фонаря. «Начнём с начала», – бормочет она одними губами, включая диктофон. Первая запись рвётся в тишину: «Чанги, 02:50. Пассажиров нет. Но они были здесь секунду назад. Гул… я его слышу». В этот миг, под низкий стон вентиляции, шрам над бровью кольнуло – как зов из прошлого.

Анна Ковалёва замерла в проходе, её дыхание сливалось с тикающим гулом кондиционеров, а пальцы в перчатках скользили по браслету из 14A – серебряному обручу, где круг с трещиной пульсировал в свете фонаря, словно живая рана на металле. **Первый осмотр** начинался здесь, в сердце пустого исполина Boeing 777, где воздух ещё хранил тепло 327 душ, растворившихся в никуда. Она включила термосканер на планшете – экран ожил красными силуэтами: +37° С на каждом сиденье, от бизнес-класса с его кожаными креслами до тесноты эконома, где детский след в 28F горел ярче всех, как упрёк её собственной потере. «Они встали одновременно, – прошептала Анна, – не разбег, не паника. Как по команде». Смс с борта сыпались градом на её экран: стюардесса Лина в 20:41 – «Гул зовёт, не могу думать»; бизнесмен из 5C – «Что-то в воздухе, трещина в голове»; даже капитан Сингх, личный чат с дочерью – «Ария, держись, это пройдёт». Все после посадки, когда радар уже зафиксировал касание.

Она двинулась по салону, методично, как хирург по венам: подлокотники с отпечатками пальцев – ДНК свежая, биомаркеры стресса зашкаливают; наушники в 12B, всё ещё тёплые, с прерванной песней о «потерянных душах»; дамская сумочка в 19D, открытая, помада в зубах, зеркальце треснутое – и снова символ, круг с трещиной, выцарапанный на крышке. Анна сжала челюсти: не случайность, паттерн. В карманах кресел, багажных полках, даже на подносах –

тот же знак, на медальонах, кольцах, записках. «Секта? Эксперимент?» – мысли вихрились, шрам над бровью ныл, эхом отзываясь на гул, что теперь звучал в её висках.

Планшет пискнул – список пассажиров, 327 имён, сшитый из баз Singapore Airlines и Шереметьево. Анна вывела его на экран, пальцы замерли над строками, где проступали нити паутины:

Бизнес-класс (42 чел.):

Капитан Рахул Сингх, 52, пилот-ветеран, Пенанг.

Лина Чен, 29, стюардесса, смс о гуле.

Виктор Лебедев, 45, нефтяной магнат из Москвы, медальон в кармане.

Доктор Элиза Вонг, 38, нейрофизиолог, Сингапур, статья о «резонансных частотах».

Эконом-класс (248 чел.):

Семья Ким, из Сеула: отец, мать, сын 8 лет (рюкзак в проходе).

Ольга Петрова, 26, студентка из СПб, блог о «параллельных мирах».

Ахмад Рашид, 41, инженер из Дохи, символ на часах.

17 анонимов – билеты «VIP-конфиденциал», подставные имена.

Экипаж и первый класс (35 чел.):

Второй пилот Маркус Тан, 34, пропал с Сингхом.

Бортпроводники: 8 имён, все с жалобами на гул в логах.

Группа «Трещина-7»: 12 паспортов без виз, лидер –

«Джон Смит», но ДНК совпадает с базой сектантов.

Анна откинула одеяло в 7В – под ним записка: «Трещина открыта. Идём». Гул усилился, лампы мигнули, и в зеркале над раковиной 14А её отражение дрогнуло – на миг показалось, что за плечом тень пассажира. «Секунду назад они были здесь», – закончила запись диктофона, сердце колотилось в унисон с машиной. Дверь салона хлопнула – полиция врывается, но Анна уже знала: это не конец.

Анна откинулась, шрам над бровью запульсировал в такт гулу, что на миг ожил в салоне – низкий, вибрирующий, зовущий. Символ повторялся в 27 находках, списки намекали на паутину: не случайные люди, а сеть. «Персонал МАК, Чанги, 03:15, – диктофон поймал её голос, твёрдый, но с трещиной, – тепловые следы свежие, смс постфактум, символ везде. Это не исчезновение. Это… переход». Она встала, глаза сузились: следующий шаг – чёрные ящики, но внутри уже шевелилась тень Маши, шепчущая: «Мама, найди нас».

Анна встала с кресла и выпрямилась в проходе, стряхивая эхо гула из висков, и махнула рукой команде – четверо экспертов МАК в белых комбинезонах, её «стая теней»: биолог Иван Рябов с его бесконечными пробирками, техник Лера с ноутбуком, пилот-эксперт Гриша и фотограф Дима, чьи вспышки резали полумрак салона, как ножи.

– Сектора по номерам, – скомандовала она, голос хлыст, – Рябов: ДНК и жидкости. Лера: гаджеты и логи. Гриша: кабина. Дима: каждый сантиметр в 4К. Ищем вырванный лист

из журнала, чёрные ящики – потом. Символ – приоритет, все фото в реал-тайм на мой планшет.

Гриша нырнул в кабину первым, его фонарь выхватил фуражку Сингха на кресле – ещё тёплую, с запахом геля для волос.

– Журнал: «Всё чисто, посадка через минуту», – пробормотал он, – лист вырван неровно, следы ногтей».

Рябов мазнул реактивом по штурвалу – светящиеся пятна адреналина, свежие, как вчерашний пот.

Лера подключила бортовой компьютер и заговорила обращаясь к начальнице Анне Ковалевой:

– Логи обрываются в 20:39, но… аудио: шёпот после посадки. Не Сингх, не экипаж. Что-то вроде «Трещина… идём»». Анна склонилась над экраном – голоса наложены, как хор из могилы, и её шрам кольнуло: Маша? Нет, бред.

Команда рассыпалась по салону, как муравьи: Рябов собирал слюну с соломинок, ДНК-матчинг показал 80% совпадений с базой сектантов «Трещина» – не все пассажиры, но лидеры. Лера хакнула телефоны: 47 смс после 20:40, синхронные, с фразами «зов», «стены открылись», «не смотрите назад». В 22F – дневник бизнесмена Вольфа: «Гул – частота 7.83 Гц, резонанс Земли, они тестируют портал. Я подписался». Символ на 29 предметах: браслеты, кольца, даже тату на запястье стюардессы – круг с трещиной, внутри микротекст «V7». Дима поймал аномалию на видео: одеяло в 14A шевельнулось без сквозняка, термосканер мигнул +0.5° C.

Внезапно лампы мигнули, гул вернулся – низкий, вибрирующий, салон наполнился шёпотом, как радио на помехах. Лера вскрикнула: «Планшет! Видео с камер борта – тени в иллюминаторах после посадки». Экран показал: пассажиры встают синхронно, лица в трансе, шагают к стенам – и растворяются, оставляя одеяла. Анна схватила рацию: «МАК Москва, срочно радары над Южно-Китайским. И базу „Трещины“ – полный архив». Команда замерла, Гриша прошептал: «Анна, это не катастрофа. Это… выгрузка душ». Она кивнула, сжимая браслет: «Тогда найдём, куда их выгрузили. Чёрные ящики – сейчас». Гул затих, но в зеркале над раковиной её отражение мигнуло – с трещиной на лбу.

Глава 3. Допросы наземных. Семьи пропавших

Анна Ковалёва вышла из салона Boeing 777, где гул вентиляторов всё ещё эхом отдавался в висках её команды, и направилась в импровизированный опорный пункт у гейта D47 – тесную комнату для персонала Чанги, заваленную кофе-машинами и экранами мониторов. Часы показывали 04:15 местного времени, но адреналин гнал сон прочь. **Допросы наземных** – следующий этап: свидетели первыми коснулись пустоты, и их слова могли быть трещиной в броне тайны. «Рябов, ДНК в лабораторию. Остальные – фото и логи на анализ. Я беру интервью здесь и сейчас», – бросила она, надевая свежие перчатки. Её серые глаза, усталые, но острые, как скальпель, впились в первого – Ахмеда Насира, бригадира смены, чьё лицо под оранжевым жилетом было серым от пота и шока.

Ахмед сидел за пластиковым столом, пальцы теребили рацию, борода дрожала.

– Я взбежал по трапу, крикнул «Высадка!», – начал он хрипло, избегая глаз Анны, – тишина. Одеяла тёплые, сэндвич свежий… А капитан Сингх… он был в кабине, сказал «Гул зовёт», протянул руку – и мигнул, как мираж. Исчез. Я не пил, мэм, клянусь Фатимой.

Анна подсунула фото символа – круг с трещиной:

– Это вы видели раньше?, – Ахмед вздрогнул и она продолжила, – Нет… или да?

– На медальоне у уборщика пару месяцев назад, он уволился внезапно, – проговорил он дрожайшим голосом.

Она отметила: ложь в микродвижениях – зрачки расширились, скрывает.

– Звонок после посадки был?

– Нет! – последовал слишком быстрый ответ. Анна нажала: запись рации показала исходящий в 14:52 на неизвестный номер. Ахмед осел: «Звонил брат в Карачи, соврать Фатиме не смог».

Анна Ковалёва не шелохнулась, её серые глаза, холодные и цепкие, как крючья ледоруба, впились в Ахмеда, вылущивая правду из его дрожащей брони. Она подвинула планшет ближе, экран мигнул записью рации – 14:52, исходящий вызов на номер +92-xxx-xxx, пауза в 47 секунд, голос искажённый: «Не трогай салон, Насир. Они в Трещине». Ахмед осел в кресле, борода поникла, пот скатился по виску:

– Хорошо, мэм… Не брат. Голос… знакомый. Уборщик Хасан, тот, с медальоном. Уволился в октябре, сказал «зов сильный». Просил не говорить начальнику Рашиду. Я думал, это бред сумасшедшего. Так звучало по крайней мере.

Она кивнула, не мигая, пальцы пробежали по экрану: Хасан Малик, 39 лет, уволен по собственному желанию, Карачи, символ в личном деле – фото медальона идентично.

– Расскажи о гуле, Ахмед. Ты его слышал? – голос Анны упал до шёпота, как нож в масло. Он сглотнул, глаза забегали:

– На трапе… вибрация в зубах, как от компрессора, но внутри головы. Сингх сказал «Он зовёт», и… его рука прошла сквозь мою, как дым. Я протёр глаза – кабина оказалась пуста.

Анна отметила в протоколе: галлюцинация или эффект? Термосканер показал всплеск в его ладонях – адреналин + кортизол, но и аномалия: электромагнитный фон повышен на 0.3 мкТл.

Дверь скрипнула – вошёл Рашид, начальник смены, но Анна подняла руку:

– Подождите. Ахмед, ты входил в багажный отсек? Он замер:

– Нет… но Хасан говорил, там стена «дышит», символ светится по ночам. Она отпустила его кивком —

– Не уезжайте из Сингапура. Можете быть свободны. – И дождавшись, как Ахмед уйдет с кабинета, повернулась к Рашиду, уже жующим сигарету в кулаке.

Рашид аль-Хамид, коренастый малаец за пятьдесят, в форме с погонами, вошёл следующим, потирая виски.

SQ420 мигнул, как глитч, потом чисто». Анна развернула планшет с записями Линь:

– Расскажите о звонке Ахмеду. Рашид сглотнул:

– Неизвестный номер, голос искажённый: Не трогайте

салон, они в Трещине. Я подумал, розыгрыш, но после… экипаж пропал. Символ этот я видел в отчёте об уборке – на стенке багажного отсека, стёрто».

Анна прищурилась: Рашид нервный, но честный, пот на ладонях от гула, не от лжи – биосенсор на её часах подтвердил кортизол, но без пиков обмана – пот на ладонях от гула, не от лжи.

– Кто знал о рейсе заранее?

– Все, стандартный график.

Она подвинула фото символа – круг с трещиной, пульсирующий в свете лампы:

– Расскажите о нём. Подробно. Рашид замер, пальцы сжались в кулак, бормоча под нос молитву:

– Видел в отчёте об уборке два месяца назад – на стенке багажного отсека, в секции 7B, флуоресцентный, светился зелёным под УФ. Уборщик Хасан Малик нашёл, сфоткал, но стёрли – «граффити», сказали. Он потом… сломался. Жаловался на гул в голове, носил медальон с таким же кругом, шептал о «Трещине, что жрёт время». Уволился внезапно, без двух недель до пенсии, уехал в Карачи. Жена его звонила мне несколько раз, жаловалась, что у мужа какие-то галлюцинации, не спит, слышит зов как будто под стеной.

Анна наклонилась ближе, голос упал до шёпота, режущего тишину:

– Хасан знал о рейсе SQ420? Или о других? Рашид кивнул, пот скатился по виску:

– Он работал на московских рейсах, говорил «грубые русские приносят странные вещи. Перед увольнением просил смену в аэропорту на земле, еще сказал, что больше летать не хочет, там что-то открывается. Я подумал, шиза от жары. Но символов… после него нашли ещё три: на топливном шланге, в туалете 2L, на лючке аварийного. Анна Ковалева кивнула и отметила в протоколе: Хасан – ключ, звонки – сеть.

– Кто стирал символы? Фото сохранились? Рашид развёл руками:

– Служба безопасности Чанги, приказ сверху. Фото? У Хасана на флешке, но он не отвечает».

Гул вернулся, лампы мигнули, Рашид вздрогнул, хватаясь за виски. Анна встала, шрам над бровью запульсировал в унисон:

– Не уезжайте из города. Хасана – найти, Карачи под наблюдение. Следующая – оператор Линь.

Дверь открылась, впуская хрупкую диспетчершу, а в голове Анны уже крутилась паутина: символ не граффити, а маяк. Трещина звала, и Хасан был первым, кто услышал.

Линь Мэй, диспетчер башни, двадцатисемилетняя сингапурка с идеальным маникюром и дрожащими губами, села последней, кофе в руке остыл.

– Радар чистый, – начала она тихо, – но на снижении… эхо. Не трафик, а дубликат сигнала SQ420, на 0.5 секунды.

Мерцание, как помехи от грозы, но небо ясное». Анна включила видео с камер: нормальная посадка, пустой трап.

– Шёпот в эфире слышали? Линь кивнула:

– После касания шасси, услышала фразу как будто кто-то вдалеке сказал: Готовы к переходу. Не Сингх, хор голосов. Я стёрла лог по ошибке… из страха.

Символ на экране у Анны заставил её побледнеть и она продолжила:

– Символ похож на Тату у подруги, она летала рейсом в Дели месяц назад, жаловалась на гул.

Анна записала: Линь в панике, но ключ – эхо радара, намёк на параллельный сигнал.

– Не уезжайте из города. Хасана – найти, Карачи под наблюдение.

Команда Анны тем временем докладывала по рации: Рябов подтвердил мутированную ДНК в слюне – «как после радиации, цепочки рвутся»; Лера нашла чат в телефоне Вольфа: «Трещина V7 активирована, частота 7.83 Гц – резонанс Земли». Гул вернулся, лампы мигнули, Ахмед в углу простонал: «Оно здесь». Анна встала, шрам запульсировал: «Сводка в Москву через час. Это не авария – эксперимент. Или ритуал. Семьи – сейчас. Ищем связи с символом».

Анна Ковалёва вышла из душной комнаты допросов, где воздух пропитался потом и страхом свидетелей, и направилась в конференц-зал Чанги – стеклянный улей, где уже ждали семьи пассажиров SQ420, разбитые на группы по клас-

сам и национальностям. Часы тикали 05:30, рассвет сочился через купола аэропорта, но глаза собравшихся – красные от слёз и бессонницы – впивались в неё, как в последний якорь. **Опросы семей** – следующий слой паутины: не улики, а эмоции, трещины в биографиях пропавших, где мог скрываться ключ к «Трещине».

Она начала с бизнес-класса – элита, чьи потери гремели в новостях громче всех.

У стола с микрофоном села Ария Сингх, шестнадцатилетняя дочь капитана, с растрёпанными волосами и телефоном, сжимаемым до хруста:

– Папа звонил вчера. Из-за гула в полете ничего не было слышно, а я не придавала этому значение. Он никогда не жаловался. А браслетик… с трещиной, я просила купить похожий в Марине Бэй. Анна показала фото символа.

– Расскажешь, что это за символ круг с трещиной? —

Ария побелела и кивнула:

– Это его талисман! Из Пенанга, от деда-таксиста. Трещина в небе, он так говорил. Дед умер десять лет назад, разбился на старом Protone. В лобовом стекле была трещина, как паутина, а он очнулся на миг, шептал: Трещина в небе открылась, Рахул, не летай над морем. Папа носил медальон с тех пор, серебряный, с гравировкой внутри – «V7». Говорил, это не просто память, а… защита. Когда гул придёт, трещина покажет путь. Я думала, сказки, просила такой же браслетик на день рождения. Он обещал из Шереметьево, но…

Она осеклась, взгляд упал на фото: медальон из кабины SQ420, идентичный. Анна замерла, шрам над бровью кольнуло – эхо её собственной потери.

– V7 – это что? Инициалы? Код? – нажала Анна, ее голос прорезывал воздух как скальпель.

Ария сглотнула непрошенные слезы и, шепнула:

– Не знаю… Папа говорил «версия семь», как в его симуляторах, когда он учился летать еще в академии. Месяц назад пришёл бледный, после рейса над Южно-Китайским: «Гул усилился, Ария, трещина зовёт». Я думала, усталость. Но он купил новый медальон, светящийся под УФ. «Для семьи». Маме не сказал – они собирались разводиться.

Анна отметила в протоколе: талисман – не случайность, V7 – ключ.

– Ария, капитан Сингх упоминал секту? Трещину? Или частоту, гул на 7.83 Гц?

Девушка кивнула, слёзы хлынули:

– Однажды в переписке со мной написал: «Если гул вернётся, беги в трещину, не оглядывайся. Последнее смс в 20:41. Он знал.

Гул в зале усилился, лампы мигнули, Ария вздрогнула:

– Слышите? Как папин голос… Анна сжала её руку – тёплую, живую:

– Мы найдём его. Ты главное не сдавайся. Но внутри остро кольнуло в сердце и шевельнулось: Как будто ее дочь Маша шептала то же в снах – «Мама, трещина зовёт».

Следующая за Арией у стола с микрофоном опустилась мать Лины Чен – хрупкая женщина лет пятидесяти с серебряной нитью в чёрных волосах, собранных в тугой пучок, лицо её, измождённое бессонницей, пересекали дорожки слёз, а пальцы нервно теребили край шали, пропитанной запахом сандала и сингапурской влажности.

– Дочка писала мне вчера из самолёта, – голос её дрожал, как осенний лист на ветру, – Гул зовёт, мам, как в твоих снах о море. Я всегда видела сны о волнах, что шепчут имена, но Лина… она изменилась месяц назад. Стала отстранённой, бледной, словно луна в тумане, носила кулон на серебряной цепочке – круг с трещиной посередине, холодный на ощупь, но она говорила, он «греет душу». Мам, это талисман от гула, шептала она, целуя меня перед вылетом. Вчера последнее смс в 20:41: «Он усилился. Не бойся, я услышу зов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.